

Влево! Вправо! Увернуться! Удар!

Я размахиваю своим ржавым мечом, не вполне понимая, что делаю, — просто развлекаюсь. Видите ли, правда в том, что я никогда по-настоящему не учился сражаться на мечах. Или топором, или чем-то ещё. Это просто одна из тех вещей, которым я должен научиться на практике, а здесь, знаете ли, не так уж много возможностей попрактиковаться. Не могу же я сражаться с другими рядовыми мобами, чтобы набраться опыта. Единственные, кто вообще стал бы это делать, — гоблины, но это рискованное предложение. Понимаете, в гоблинском обществе обучение — дело щекотливое, потому что гоблины дерутся насмерть, независимо от того, в чём дело. Так что, как вы можете себе представить, спарринги очень быстро выходят из-под контроля. Чёрт. Вот я вам и рассказал ещё кое-что о гоблинах, а мне не стоило этого делать. Я хотел приберечь их для того момента, когда это произойдёт по сюжету.

В любом случае. Другие скелеты здесь, например, не стали бы со мной возиться, что бы это ни значило. Понятия не имею.

Они не были бы заинтересованы в спарринге, поскольку они бездушные автоматы. Так что остаётся герой. Герой — единственный, у кого в подземелье есть меч. Единственное разумное, осознающее существо, с которым я могу сражаться с чистой совестью. Я имею в виду, конечно, это тоже бой насмерть, и я всегда проигрываю. Но нужно получить пару ударов, ушибов и синяков, чтобы стать лучше, верно?

Я продолжаю размахивать мечом в воздухе, отрабатывая движения. Наши бои никогда не были долгими. Особенно, когда я пытаюсь подобраться поближе. Обычно кто-то из остальных — девушка-волшебница, жрица или кто-то ещё из моих друзей, которых я вам ещё не показал, — разносят меня в пух и прах, прежде чем я успеваю хотя бы раз взмахнуть мечом. Поэтому в те немногие разы, когда я был скелетом-мечником, я изо всех сил старался добраться до героя. Чтобы увидеть вблизи, как он обращается с мечом. В смысле, ты же не становишься героем случайно, верно? Это не какой-то случайный космический отбор какого-то парня, который получает невероятные силы, которых он никогда не заслуживал, просто так, верно? Какой-то ботан, у которого нет личной жизни, и его вдруг выбирает вселенная, чтобы его любили и боготворили, чтобы он был сильным. Нет. Это было бы слишком надуманно. Ни один бог не придумал бы такой глупости. Ни одна вселенная не может быть настолько абсурдной.

Нет. Он это заслужил. Титул. Навыки. Я в этом уверен. У меня нет никаких доказательств, но я так думаю. Он такой хороший парень. Держу пари, он очень много работал. Каждый день выкладывался на полную. Никогда не сдавался. Я стремлюсь быть похожим на него, на героя. Ржавое пламя горит ярче во тьме, небольшое колебание. Знаю, это звучит странно, ведь он мой естественный враг, ведь я всего лишь рядовой моб. Но рыбак рыбака видит издалека, понимаешь? Может, я и не герой, но я буду рядовым мобом, достойным сразиться с ним. Лезвие рассекает воздух. Мне нравится наблюдать за оранжевым следом, который оно оставляет после себя. Это очень драматично. Чёрт возьми, как же мне хочется с ним сразиться.

Видите ли, поэтому я всегда наблюдаю за героем, каждый раз, когда вижу его. Даже когда мне не удаётся сразиться с ним, я наблюдаю за ним. Краем глаза. С последним вздохом я наблюдаю за ним. Нет, я не какой-то жуткий сталкер, ладно? Я учусь. Изучаю. Он —

единственный мечник здесь. Только мечники могут быть героями. Почему? Не знаю. Таковы уж правила подземелья, парень. Ты когда-нибудь видел героя с копьём? Нет, не видел, ведь так? Копейщики — на втором месте. На подхвате. Маги? Третье место. Четвёртое, если это лекарь. Извини, жрица, ты у меня в сердце на первом месте. Воры, скрытые убийцы и все эти ребята с кинжалами? Последнее место. Мечники — это вершина героизма. Так уж повелось. Так уж устроен этот мир. Женщины-мечники — тоже сойдёт. Нам, в общем-то, всё равно, кто кого здесь протыкает. Всё в порядке, друг.

Я знаю, что это абсурд. Я знаю, что это не моё дело. Я снова и снова взмахиваю мечом, оттачивая свою технику. Я знаю, что это не моё дело, но я хочу сразиться с героем. Я хочу победить героя. Это моя мечта. Это эгоистично? Наверное. Я всего лишь рядовой моб. Я имею в виду, что никто из нас не смог бы справиться с ним или с кем-либо из них. Это просто мечта. Я имею в виду, что даже если бы кто-то здесь и смог это сделать, то это был бы один из суб-боссов, если не сам финальный босс. Это не моё дело.

Но я хочу этого. Я хочу сразиться с героем. Я хочу победить его и выиграть. И самое главное, я хочу выглядеть круто, делая это, поэтому я и тренируюсь с мечом. Мечи — это круто. В наши дни они редкость для рядовых мобов. Вот почему я буду делать это, пока они не появятся. Пока они наверху убивают Фею-мать, я буду изучать клинок. Пока они будут штурмовать гоблинский аванпост, я буду изучать клинок. Пока они будут пробираться через лабиринт, я буду изучать клинок.

А потом, когда герой окажется передо мной, я хочу устроить совершенно потрясающее финальное сражение. Один на один. Человек против человека-существа. Добро против зла. Я, конечно, не злой, но я беру на себя эту роль ради метафоры, ладно? Правда, на этот раз я чемпион, так что у меня может быть шанс. Не шанс победить его, конечно. А шанс добраться до него. Способ начать дуэль. Видишь ли, у меня есть небольшая хитрость. Секретное знание, которое я почерпнул за свою долгую жизнь. Мелочь, которую я скрывал от тебя, друг. Нечто, что я приберегал для этого дня. Верный способ обеспечить себе поединок один на один с гордым героем. Спрашиваешь, что это? Что ж, узнаешь, когда он придёт, вот увидишь. Не хочу раскрывать тебе все свои секреты. Но, честно говоря, это не так уж и интересно.

Здесь никогда ничего интересного не происходит.

Я продолжаю тренироваться. Я знаю не так уж много приёмов, кроме тех, что видел с близкого расстояния. Но те, что видел, стараюсь повторить, стараюсь имитировать как можно точнее.

Забавно было бы, если бы герой заметил, что я использую против него его же приёмы? Тогда бы он такой: "А? Кто ты такой и откуда знаешь мои суперсекретные техники?" А я бы стоял, выглядя злым и крутым, и просто смеялся своим голосом скелета со своим злым светящимся мечом и глазами. Чёрт возьми, это было бы круто. Погодите... — я смотрю вниз на своё голое костлявое тело.

— Это как-то неприлично. Я буду сражаться с самим героем, а это значит, что я игнорирую всех дам вокруг. Не могу же я разгуливать вот так, голышом. Особенно в роли чемпиона. Я должен представлять свой народ, своих братьев и сестёр по нежити. Может, они и не живы, и

не разумны, и всё такое, но они заслуживают того, чтобы их вёл в бой самый хорошо одетый скелет в лабиринте. Это меньшее, нет, единственное, что я могу для них сделать.

Я оглядываю тёмный лабиринт и начинаю идти в произвольном направлении, как будто я знаю, куда иду, ага. Дело в том, что когда ты — рядовой моб в лабиринте, ты появляешься где-то внутри, так что довольно трудно понять, где ты находишься. Но в то же время, неважно, в какую сторону ты идёшь, понимаете? Мои кости гремят, ударяясь о каменный пол подо мной. Скелеты — странные существа, как вы, возможно, заметили. Скелеты здесь, в нашем подземелье, — это исключительно человеческие скелеты. Мужчины, женщины — здесь рады всем, кто умер. По сути, мы просто груды костей, скреплённые магией подземелья. Магией подземелья, для краткости. Как у чемпиона, у меня есть светящийся меч, но в остальном я здесь практически голый. Голый, как скелет. Я не уверен, был ли я мужчиной или женщиной до того, как умерло это тело.

Я смотрю вниз, мои тазовые кости широкие. Девушка, наверное? Не знаю. Да и ладно. Может, мне удастся соблазнить героя, ха-ха.

Нет, я пошутил...

Хотя...

— Нет! — я качаю головой. — Он — классный парень, и я, наверное, вижу в нём образец для подражания. Но да. Ладно.

Давайте сменим тему. Итак, скелеты. Кхм. Да. Нас скрепляет магия подземелья, у нас нет ни мяса, ни мышц, ничего такого. Мы удивительно крепкие. У нас нет чувства боли или какого-либо общего сознания, очевидно. Мы просто бездумные твари, как и вся остальная нежить. Точка "А" и точка "Б". Один плюс один равно два. Вот и всё, что происходит в голове у нежити, кроме моей собственной. Но да, мы крепкие, учитывая, что мы всего лишь древние кости. Вот только это и есть наша слабость. Скелетов можно разбить на части, кости будут держаться вместе, но их можно сломать, если приложить достаточно силы. Сломайте достаточно костей, и — пуф! — нет больше скелета.

Вы, наверное, слышали вопли раньше. Скелеты вопят. Почему? Как? У меня нет лёгких, но я могу выпускать воздух изо рта, лишённого плоти, — нет, это не эвфемизм, и это было бы отвратительно, если бы было им. — Наверное, это магия подземелья? Конечно. Как я уже говорил, не знаешь, как что-то работает? Магия. Беспроектный вариант. В общем, да, когда вопит один скелет, вопят и все остальные. Почему? Не знаю. Но это довольно круто, думаю, это может быть что-то вроде устрашения? Наверное, это довольно жутко, когда на тебя несётся орда вопящих скелетов. Не думаю, что мастер подземелий дал бы нам такую способность, если бы в этом не было смысла. Да благословит его Повелитель Тьмы.

Я продолжаю отрабатывать удары на ходу. Понимаешь, нужно уметь сражаться в движении. Я имитирую каждый жест, который когда-либо видел у героя. Каждый взмах и каждую гримасу, каждый рык, удар, выпад, рубящий удар, прыжок и столкновение. Наверное, я выглядел бы

полным идиотом, если бы ты смотрел на меня. Но за мной никто не наблюдает. Никто не видит меня. Никто не слышит меня. Так что я могу свободно быть идиотом сам по себе. Когда я видел героя в последний раз? А, я был тёмной феей, я помню. Это была хорошая смерть, ужасная жизнь. Но хорошая смерть. В конце концов, всё выравнивается, друг, помни об этом.

Жаль, что он не сразился со мной. — я вздыхаю.

Ого.

Извините. Меня всегда пугает, что я могу так делать. Быть нежитью — это странно, ясно? Но, думаю, в той жизни, в моей тёмно-феечьей фазе, я не стоил того, чтобы со мной сражаться, и, чёрт возьми, даже будучи тёмной феей, он бы просто прихлопнул меня. И всё же. Иногда было бы приятно получать немного внимания, понимаете? Я качаю головой, я веду себя глупо.

— Извините. Это кровь скелета. Скелеты — глупые создания, — я продолжаю шествовать по тёмному лабиринту, а в голове у меня всё стоит картина нашей последней встречи. Я копирую его движения, изо всех сил стараясь не обращать внимания на печальное лицо жрицы в своём воображении. Вот уж у кого по-настоящему щенячьи глазки, знаешь? Мне становится грустно, когда я думаю об этом.

Заведя меч за спину в драматичной позе, всё ещё в левой руке, к которой он прочно прикреплён, я вытягиваю правую ладонь перед собой и издаю драматичный скрипуче-рычащий звук. Я копирую позу героя, когда он открывает меню. Почему? Не знаю. Кажется, так надо. Что-то меняется. Что-то холодное. От груди к моей руке пробегает рябь, кости, составляющие моё тело, поднимаются и опускаются, словно сквозь них проходит волна гудящей энергии.

А? — я оглядываюсь, сбитый с толку и ошеломлённый. У меня странное ощущение. Я чувствую то, что не должен чувствовать, будучи нежитью. Я чувствую холод. Одиночество. Старость. Забвение. Я качаю головой, гадая, откуда взялись эти случайные, мрачные, меланхоличные, чёрные мысли, гадая, что это было за странное ощущение только что.

Здесь ничего нет. Никого нет. Я одинок, как всегда. Я поднимаю глаза на окружающую меня мутную черноту. Безликий мир нижнего этажа подземелья — вот всё, что я вижу. Впервые я чувствую давящий груз потолка над головой. Мысль о десятке этажей надо мной, если не о сотне, запирающих меня здесь, в этой вечной темнице, тяжким грузом ложится мне на сердце.

Я качаю головой. Мне некогда предаваться поэзии. Есть дела поважнее. Я издаю вопль, чтобы поднять себе настроение, и гордо шагаю вперёд с высоко поднятой костлявой головой, а мне в ответ раздаются сотни предсмертных криков.

Их скрипучие голоса — доказательство того, что я не одинок.